**Становление института правомерного причинения вреда
(обстоятельств, исключающих преступность деяния)
в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г.
и УК РСФСР 1922 г.**

МИХАЙЛОВ Валентин Иванович, главный научный сотрудник отдела уголовного и уголовно-процессуального законодательства, судостройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34
E-mail: vim2007@yandex.ru

Одной из теоретических основ большевизма был тезис об отмирании права, в том числе правовых положений о необходимой обороне и других ситуациях правомерного причинения вреда (обстоятельств, исключающих преступность вреда). В то же время в силу роста преступности и увеличения случаев саморасправы над лицами, совершавшими мелкие хищения пищевых продуктов, Советское государство в первые годы существования объективно вынуждено было иметь юридические механизмы защиты не только своих интересов, но и интересов личности.

Цель исследования состоит в раскрытии с учетом предназначения советского уголовного права, сводящегося к защите завоеваний революции, содержания правовых положений о необходимой обороне и других ситуациях правомерного причинения вреда в системе с другими институтами уголовного законодательства. Данная цель достигнута путем показа оснований и пределов причинения допустимого вреда одним интересам при защите других, содержащихся в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. и Уголовном кодексе РСФСР 1922 г.

Решение поставленной задачи обеспечивалось на основе использования совокупности научных методов исследования, когда положения о необходимой обороне и других ситуациях правомерного причинения вреда, содержащиеся в вышеназванных актах, анализируются в системе с другими институтами уголовного законодательства и с учетом классового характера права рассматриваемого периода.

По мнению автора, несмотря на декларируемый в теории тезис об отмирании права, у социалистического государства имела объективная потребность в законодательстве, в том числе определяющем основания и условия правомерно причиняемого вреда.

Ключевые слова: Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., необходимая оборона, крайняя необходимость, согласие лица на причинение ему вреда, выполнение профессиональных функций, ситуации правомерного вреда (обстоятельства, исключающие преступность деяния).

**Forming the Lawful Infliction of Harm Institution
(Circumstances Precluding the Criminality of the Act)
in the Guiding Principles for Criminal Law of the RSFSR of 1919
and the Criminal Code of the RSFSR of 1922**

V. I. MIKHAYLOV, chief research fellow of the Department of criminal and criminal procedure legislation, judicial system of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, doctor of legal sciences, professor, honored lawyer of the Russian Federation
34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218
E-mail: vim2007@yandex.ru

One of the theoretical foundations of bolshevism was the thesis – the death of law, including, of course, the death of legal provisions on the necessary defense and other situations of lawful infliction of harm (circumstances precluding crime of harm). At the same time, due to the increase in crime on the one hand, and the increase in cases of self-punishment of persons who committed petty theft of food products on the other hand, the Soviet state in the first years of its existence was objectively forced to have legal mechanisms to protect not only the interests of the Soviet state, but also the life and other interests of the individual.

In this regard, there is a need for scientific analysis of the criminal legal mechanisms of the first years of the Soviet state, ensuring the protection of some interests by causing harm to other interests also protected by law.

The purpose of the study is to reveal, taking into account the purpose of soviet criminal law, which is to protect the gains of the revolution, the content of the legal provisions on the necessary defense and other situations of lawful harm in the system with other institutions of criminal law. This goal is achieved by showing the grounds and limits of permissible harm to one interest in the protection of others contained in the Guiding principles for criminal law of the RSFSR of 1919 and the Criminal Code of the RSFSR of 1922.

The solution of the task is provided on the basis of using a set of scientific research methods (dogmatic, formal-logical, comparative and historical), when the provisions on the necessary defense and other situations of lawful harm contained in the Guiding principles for criminal law of the RSFSR of 1919 and the Criminal Code of the RSFSR of 1922 are considered in the system with other institutions of criminal law taking into account the class nature of the law in this period.

The author concludes that despite the thesis declared in theory on the death of law, the socialist state had an objective need for legislation, including determining the grounds and conditions of lawfully caused harm.

Keywords: Guiding principles for criminal law of the RSFSR of 1919, Criminal Code of the RSFSR of 1922, necessary defense, extreme necessity, performance of professional functions, situations of lawful harm (the circumstances excluding crime of action).

DOI: 10.12737/art_2019_2_11

К началу 1917 г. на территории России нормативное правовое регулирование правомерного причинения вреда (обстоятельств, исключающих преступность деяния) осуществлялось Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в соответствующей редакции (далее — Уложение 1845 г.), Уголовным уложением 1903 г. (далее — Уложение 1903 г.), которое к началу 1917 г. не вступило в силу полностью, а также другими законами Российской империи, в которых содержались нормы уголовного права.

В статье 92 Уложения 1845 г. в числе причин, по которым содеянное не могло быть вменено (при наличии которых исключалось наказание), указывались «совершенная невинность того деяния, коего случайным и непредвиденным последствием было сделано зло»; «малолетство» (к малолетним относились дети до семи лет); «безумие, сумасшествие и припадки болезни, при-

водящей в умоисступление или совершенное беспамятство»; «ошибка случайная или вследствие обмана»; «принуждение от превосходящей непреодолимой силы»; «необходимость обороны».

В статьях 93—103 Уложения 1845 г. давалось определение этих причин и назывались условия, наличие которых исключало вменение в вину или применение наказания за причиненный при этом вред¹.

В Уложении 1903 г. на основе анализа практики применения соответствующих положений Уложения 1845 г., научных разработок и в соответствии с общими тенденциями развития российского обще-

¹ См.: Михайлов В. И. Свод законов 1832 г. и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: общая характеристика и ситуации правомерного вреда (обстоятельства, исключающие преступность деяния) // История государства и права. 2010. № 24. С. 16—21.

ства институт правомерного причинения вреда (обстоятельств, исключающих преступность деяния) получил дальнейшее развитие. Ситуации правомерного причинения вреда впервые в истории российского уголовного права структурно и сущностно были выделены в самостоятельный, обладающий своим предметом и методом регулирования правовой институт.

Совокупность норм, образующих в Уложении 1903 г. институт правомерного причинения вреда, законодателем была разделена на две группы. В одну входили условия, устраняющие вменение в вину: «невменяемость», включающая и «малолетство», «случай», «принуждение или заблуждение» (ст. 39—41, 42 и 43). В другую — условия, исключающие преступность: «исполнение закона или приказа», «необходимая оборона», «крайняя необходимость» и «использование негодного предмета» (ст. 44—47).

Уложение 1903 г. значительно превосходило ранее действовавшие в России уголовные законы как в технико-юридическом отношении, так и по воплощению в нем прогрессивных уголовно-правовых принципов.

В работах А. Ф. Кони, А. В. Лохвицкого, Н. А. Неклюдова, Н. Д. Сергеевского, Н. Н. Розина, Л. Е. Владимирова, Н. С. Таганцева, С. В. Познышева, П. П. Пусторослева и других авторов содержался серьезный научный анализ положений Уложений 1845 г. и 1903 г. по вопросу правомерного причинения вреда².

² См.: Кони А. Ф. О праве необходимой обороны. М., 1866; Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб., 1867; Неклюдов Н. А. Общая часть уголовного права (конспект). СПб., 1875; Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Ч. 2. СПб., 1883/1884; Владимирова Л. Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. Харьков, 1889; Кузьмин-Караваев В. Д. Военно-уголовное право. Часть Общая. СПб., 1895; Розин Н. Н. О крайней необходимости. СПб., 1899; Та-

Таким образом, к моменту Февральской революции 1917 г. в российском уголовном законодательстве имелись развернутые определения необходимой обороны, крайней необходимости и иных ситуаций правомерного причинения вреда (обстоятельств, исключающих преступность деяния), а в теории уголовного права сложилось несколько научных концепций, объясняющих их юридическую природу, содержание и структуру³.

Временное правительство, пришедшее к власти в феврале 1917 г., с одной стороны, предпринимало попытки отменить лишь отдельные положения уголовных законов Российской империи, желая обеспечить преемственность власти «новой» от власти «старой», а с другой стороны, принимало меры уголовно-правового характера по защите своей власти: в июле 1917 г. возвращена смертная казнь, введен институт внесудебной расправы и т. д.⁴

После событий Октября 1917 г. советская власть ставила своей задачей полную отмену законов царской России. В соответствии с Декретом СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» (далее — Декрет о суде № 1) суды должны были решать

ганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлечениями из объяснительной записки редакционной комиссии, представлениями Министерства юстиции в Государственный Совет и журналов особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. СПб., 1904; Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая. СПб., 1904; Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. М., 1912; Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Юрьев, 1912.

³ См.: Михайлов В. И. Институт правомерного вреда (обстоятельств, исключающих преступность деяния) в Уголовном уложении 1903 г. // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 65—72.

⁴ См.: История советского уголовного права. М., 1948. С. 15—48.

дела именем Российской республики и руководствоваться в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию.

Однако уже Декретом СНК РСФСР от 20 июля 1918 г. № 3 «О суде» органам юстиции было дано предписание руководствоваться только декретами Рабочего и Крестьянского Правительства и социалистической совестью, что отражало реальное положение дел. Дальнейшее развитие эта идея получила в примечании к ст. 22 Положения о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г., в соответствии с которым ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств воспрещались⁵. Этой датой, по мнению Г. В. Швекова, можно определить конец периода открытого использования старого законодательства. Однако оно иногда использовалось при создании новых нормативных правовых актов⁶, в том числе регулирующих ситуации правомерного причинения вреда.

Отметим, что процесс создания социалистического права сопровождался, с одной стороны, непрерывными дискуссиями о природе права и путях его отмирания⁷, а с другой — формированием нормативной правовой базы, регулирующей насущные вопросы жизни трудового социума.

Уголовные законы советской власти имели сугубо классовый характер исходя из понимания права как возведенной в закон воли господствующего класса. Совершенное

властью в целях защиты (обороны) складывающихся государственных институтов считалось правильным, такие же действия, совершенные представителями свергнутых классов, рассматривались как преступление. В целом предназначение первых советских уголовных законов сводилось к защите «завоеваний революции». Именно поэтому, по мнению Н. В. Крыленко, в ст. 8 Декрета о суде № 1 «указаны не те явления, которые подлежат запрещению, уничтожению, нейтрализации, а указано то, что должно быть охранено»⁸.

Обратим внимание, что в ст. 8 Декрета о суде № 1 указывается объект, подлежащий защите нормами материального уголовного права, и называются запрещаемые действия. В этом принципиальное отличие от Особенной части уголовного закона, в которой как раз и перечисляются запрещенные деяния. Рассматриваемая статья фактически построена по формуле, используемой при конструировании норм о необходимой обороне, когда называются охраняемые объекты, но способы защиты не раскрываются, а лишь указывается допускаемый применительно к конкретным ситуациям объем правомерно причиняемого вреда. Поэтому по своей конструкции ст. 8 Декрета о суде № 1 есть норма об обороне, защите такого важного с точки зрения советской власти блага, как революция.

В принимаемых Советским государством в первые годы своего существования нормативных правовых актах специальных положений о необходимой обороне и других ситуациях правомерного причинения вреда не имелось. Хотя в отдельных случаях деяние, по общему правилу являющееся преступлением, в определенных ситуациях, указанных в соответствующих нормативных

⁵ См. Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)».

⁶ См.: Швеков Г. В. Преемственность в праве. М., 1983. С. 118.

⁷ См.: Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. СПб., 2000. С. 62.

⁸ Крыленко Н. В. Суд и право в СССР. М.; Л., 1930. С. 10—11.

правовых актах, не подлежало наказанию. Так, Декрет СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» распространил ответственность за дачу взятки до его издания и одновременно предусмотрел условия, при которых возможно освобождение от такой ответственности. От преследования за дачу взятки, если таковая была осуществлена до издания названного Декрета, освобождались лица, которые в течение трех месяцев со дня его издания заявили судебным властям о даче ими взятки.

Первым актом кодификации норм уголовного права советской власти были Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г.⁹ (далее — Руководящие начала). Формально Руководящие начала не были законом, а являлись инструкцией Наркомюста РСФСР народным судам.

По справедливому замечанию В. П. Коняхина, их значение заключается в том, что они проложили путь от Уложений 1845 г. и 1903 г. через несистематизированные нормы послеоктябрьского периода к первому советскому Уголовному кодексу и стали его прототипом¹⁰.

В этом документе закреплялись основные институты Общей части Уголовного кодекса. В статьях 5 и 6 указывалось, что преступление есть нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом, и как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, вызывает необходимость борьбы государства с совершившими такие действия или допустившими такое бездействие лицами (преступниками). Как представляется, указывая на то, что преступление вызывает необходимость применения репрессивных мер, законодатель этим подчеркивал вы-

нужденность применения таких мер в силу невозможности иным способом обеспечить завоевание революции.

В соответствии со ст. 15 Руководящих начал не применялось «наказание к совершившему преступление над личностью нападавшего, если это насилие явилось в данных условиях необходимым средством отражения нападения или средством защиты от насилия над его или других личностью и если совершенное насилие не превышает меры необходимой обороны».

Руководящие начала не определяли юридическую природу допустимости причинения вреда при защите от насилия. Бесспорно, этим был сделан шаг назад, так как в ст. 45 Уложения 1903 г. прямо указывалось, что «не почитается преступлением деяние, учиненное при необходимой обороне». И, конечно, подход к определению акта необходимой обороны в Руководящих началах не соответствовал предназначению этого юридико-социального института.

Анализируя положения Руководящих начал о необходимой обороне, И. И. Слуцкий отмечал, что в социалистическом обществе характерно единство коллективных и личных интересов. В связи с этим право необходимой обороны должно быть признано моральной обязанностью по защите коллективных интересов¹¹. Эта формула на многие годы выступала парадигмой основы разрешения конкретных дел не только о необходимой обороне, но и о крайней необходимости: коллективный, государственный интерес всегда более значим по отношению к личному.

Вместе с тем в определении необходимой обороны привлекает внимание положение о том, что в качестве принципа определения меры необходимой обороны выступает необ-

⁹ См. постановление Наркомюста РСФСР от 12 декабря 1919 г.

¹⁰ См.: Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 62.

¹¹ См.: Слуцкий И. И. Необходимая оборона в советском уголовном праве. Ученые записки ЛГУ. № 129. Л., 1951. С. 161.

ходимость применения средств защиты для отражения насилия. Временные рамки обороны в Руководящих началах не определялись.

Акт необходимой обороны в силу прямого указания в ст. 15 Руководящих начал исключал наказание. В связи с этим отметим, что Руководящие начала не только закрепили 15 видов наказания, но и довольно подробно остановились на вопросе определения наказания по конкретным делам¹². Причем впервые в отечественном уголовном законодательстве виды наказания располагались от менее тяжких к более тяжким. Тем самым подчеркивался гуманный характер системы наказаний.

В соответствии со ст. 15 Руководящих начал необходимая оборона допускалась лишь для защиты личностных интересов как обороняющегося, так и других лиц от насильственного нападения¹³. Фактически в ст. 15 было закреплено два вида необходимой обороны: а) против посягательства на личность самого обороняющегося; б) против посягательств на иных лиц. А. А. Герцензон отмечал, что такая формулировка лишь частично выявляла особенности социалистического уголовного права, так как ограничивала сферу применения института необходимой обороны и не затрагивала вопрос о более широком социалистическом понимании этого института¹⁴.

Согласно Руководящим началам устранение наказуемости насилия против нападавшего было возможно лишь при условии совершения обороняющимся вредоносных действий: а) против нападавшего; б) в качестве необходимого средства отражения нападения или средства защиты

от насилия; в) в целях защиты личности оборонявшегося или другого лица; г) в виде насилия над личностью нападавшего.

Отсутствие в Руководящих началах нормы о крайней необходимости, по мнению В. Н. Козака, можно объяснить механическим упущением законодателя, так как Руководящие начала были первым опытом обобщения судебной практики за первые два года существования Советского государства и, конечно, не могли в силу этого предусмотреть все нормы Общей части уголовного права, которые впоследствии были введены в законодательство. Вместе с тем частные случаи крайней необходимости также находили отражение в ряде уголовно-правовых норм, рассеянных в многочисленных декретах и инструкциях первых лет советской власти¹⁵.

Кроме того, в разд. III «О преступлении и наказании» Руководящих начал отмечалось, что несовершеннолетние до 14 лет и лица, совершившие деяния в состоянии душевной болезни или вообще не отдававшие отчета о своих действиях, не подлежат суду и наказанию (ст. 13, 14) и что с исчезновением условий, в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялись опасными для данного строя, совершивший его не подвергается наказанию (ст. 16).

Таким образом, в Руководящих началах в числе ситуаций правомерного причинения вреда (ситуаций, исключающих наказание) наряду с «необходимой обороной» фактически были также закреплены «малолетство», «душевная болезнь» и «изменение обстановки». Причинение вреда в этих ситуациях исключало уголовное наказание.

Руководящие начала не содержали никакого перечня преступных деяний, и решение судом вопроса об

¹² См.: История советского уголовного права. С. 175.

¹³ См.: Швеков Г. В. Первый советский уголовный кодекс. М., 1970. С. 63.

¹⁴ См.: История советского уголовного права. С. 171—172.

¹⁵ См.: Козак В. Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости. Саратов, 1981. С. 23—24.

отнесении конкретного поведенческого акта к числу преступлений и определении наказания основывалось на степени опасности деяния для охраняемых общественных отношений. При этом следует отметить, что в нормативных правовых документах этого периода подчеркивалась необходимость классовой дифференциации мер репрессии и практики их применения «в целях оттягивания, отличия рабочего и крестьянина от враждебного по классу буржуазии; в отношении последней репрессии усилить»¹⁶.

Руководящие начала действовали до вступления в силу Уголовного кодекса РСФСР (далее — УК 1922 г.)¹⁷, до 1 июня 1922 г.

Теоретические работы по уголовному праву в 1917—1922 гг. в основном были посвящены подчеркиванию классовой природы советского уголовного права при забвении анализа конкретных правовых институтов и вопросов юридической техники. Объясняя такое положение дел, Н. В. Крыленко отмечал, что советское классовое уголовное право развивалось в условиях крайне неблагоприятных, обусловленных отсутствием специалистов, систематически занимающихся продумыванием основных принципов социалистического уголовного права, совершенной неразработанностью в марксистской литературе теоретических проблем уголовного права и боязнью сразу отбросить старые правовые нормы при отсутствии даже в теории новых регуляторов поведения членов общества¹⁸. В силу указанных причин в этот период времени научной разработке института правомерного причинения вреда в целом и отдельным его нормам, а также во-

просам юридической техники внимания не уделялось.

Бесспорно, солидный научный и юридико-технический потенциал дореволюционного уголовного законодательства, несмотря на декларируемый полный отказ от использования законодательства свергнутого государственного строя, фактически оказывал влияние на развитие советского уголовного законодательства. Последнее, будучи социалистическим по характеру (идеологии), не только формально, но в преобладающей части и содержательно восприняло богатейший многовековой опыт, запечатленный в нормативных предписаниях своего «предшественника»¹⁹. Это в полной степени относится к УК 1922 г.

А. Я. Эстрин отмечал, что УК 1922 г. и Руководящие начала имеют отправной точкой одно и то же (в основном) понимание задач уголовной репрессии, понятие преступления определяется ими совершенно одинаково. Кодекс лишь с редакционной стороны улучшил определение, даваемое в Руководящих началах²⁰.

По мнению Н. Ф. Кузнецовой, принципиальной особенностью УК 1922 г. явилось раскрытие материальной, т. е. социальной, сущности и назначения институтов и норм Общей части²¹.

В качестве задачи УК 1922 г. объявлялась защита государства трудящихся от преступлений и от общественно опасных элементов (ст. 5). В связи с этим преступлением признавалось всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю

¹⁹ См.: Коняхин В. П. Указ. соч. С. 57.

¹⁶ Эстрин А. Я. Советское уголовное право. Общая часть. Вып. 1. М., 1935. С. 110.

¹⁷ См. постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР».

¹⁸ См.: Крыленко Н. В. Указ. соч. С. 8.

²⁰ См.: Эстрин А. Уголовный кодекс и «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 23. С. 1.

²¹ См.: Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1. М., 2002. С. 32.

период времени (ст. 6). В связи с этим Н. Д. Дурманов отмечал, что тем самым советское уголовное право учитывало опасность деяния и лица в их неразрывном единстве, не противопоставляя одно другому²². Вместе с тем в определении преступления отсутствовал такой важнейший признак, как противоправность. Логическим продолжением такого подхода явилось закрепление в ст. 10 УК 1922 г. принципа аналогии. В случае отсутствия в УК 1922 г. прямых указаний на отдельные виды преступлений суд может применить лишь виды наказания или меры социальной защиты, которые применяются согласно статье УК 1922, предусматривающей наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил Общей части Кодекса. По мнению Г. В. Швекова, появление аналогии было вызвано тем, что опыт борьбы с преступностью в то время был еще недостаточен, и советское уголовное законодательство не могло полностью охватить все виды преступлений, появившиеся в связи с изменением форм и характера классовой борьбы²³. В свою очередь, М. А. Чельцов-Бебутов указывал, что суд, назначая в пределах, предусмотренных Особенной частью УК 1922 г., наказание за деяние, которое прямо уголовным законом не предусмотрено, но, по мнению суда, угрожает основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью (аналогия), создает уголовные запреты, является самостоятельным источником права²⁴.

А. Я. Эстрин также подчеркивал, что применение аналогии допустимо к деянию подсудимого лишь тогда, когда суд признает это деяние явно

опасным с точки зрения основ своего правопорядка, установленного рабоче-крестьянской властью, но не законов свергнутых правительств. Аналогия допускается в «исключительных случаях», когда пробел закона явился неумышленным последствием работы законодателя, но никоим образом не тогда, когда законодатель допустил исключение сознательно. Аналогия есть способ толкования законодательства²⁵.

Представляется, что советский законодатель, закрепляя в УК 1922 г. возможность суда применять уголовный закон по аналогии с учетом важности нарушаемого правопорядка, при отсутствии в конкретных исторических условиях детально проработанного уголовного закона в определенном смысле действовал в ситуации так называемой социальной крайней необходимости. Естественно, в данном случае речь идет не об узком уголовно-правовом понимании крайней необходимости, а о понимании этого явления в более широком — социальном значении. Примером такого широкого социального понимания крайней необходимости может быть, в частности, постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П о признании правомерным применения мер по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики.

Причем анализ стенограммы заседаний III сессии ВЦИК (12—17 мая 1922 г.), когда обсуждался вопрос о закреплении в УК 1922 г. аналогии, научных работ, посвященных этому правовому институту, вышедших в этот период времени, показывает, что советский законодатель исходил из невозможности в данных исторических условиях обеспечить социалистическую законность иными мерами, из исключительности этой

²² См.: История советского уголовного права. С. 250.

²³ См.: *Швеков Г. В.* Первый советский уголовный кодекс. С. 170.

²⁴ См.: *Чельцов-Бебутов М. А.* Преступность и наказание в истории и советском праве. Харьков, 1925. С. 86.

²⁵ См.: *Эстрин А.* Аналогия // Ежегодник советской юстиции. 1922. № 28. С. 1—2.

меры, оговаривая возможность ее применения рядом условий.

Важнейшее значение имели положения УК 1922 г. о вине как обязательном условии наступления уголовной ответственности, хотя термин «вина» в УК 1922 г. не упоминался и деяние, совершенное в состоянии душевной болезни, признавалось преступлением (ст. 17). В соответствии со ст. 11 наказанию подлежали лишь лица, которые: а) действовали умышленно, т. е. предвидели последствия своего деяния и желали или же сознательно допускали их наступление, или б) действовали неосторожно, т. е. легкомысленно надеялись предотвратить последствия своих действий или же не предвидели их, хотя и должны были их предвидеть. В этом отношении УК 1922 г. сделал существенный шаг вперед по сравнению с Руководящими началами. Исходя из места расположения норм о необходимой обороне и крайней необходимости, можно предположить, что законодатель исходил из того, что в случае причинения вреда в необходимой обороне и крайней необходимости наказание исключается в силу отсутствия вины.

В статье 26 УК 1922 г. понимание наказания как меры обороны основ нового правопорядка, по мнению А. А. Пионтковского, было сформулировано почти в тех же самых выражениях, как это было сделано в Руководящих началах²⁶. В развитие этого общего положения в ст. 27 УК 1922 г. указывалось, что, устанавливая меру наказания, уголовный закон различает две категории преступлений: а) преступления, направленные против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка или признаваемые ею наиболее опасными, по которым определенным Кодексом низший предел наказания не подлежит

понижению судом; б) все остальные преступления, по которым установлен высший предел определяемого судом наказания.

УК 1922 г. по сравнению с Руководящими началами закрепил развернутый перечень ситуаций, исключающих наказание, хотя этот перечень и не был систематизирован. К ним в соответствии со ст. 17—21 УК 1922 г. относились состояние хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности, малолетство, т. е. недостижение возраста 14 лет, а в некоторых случаях и 16 лет, необходимая оборона, крайняя необходимость, а также давность совершения преступления. Фактически в названных случаях основанием исключения наказания выступало отсутствие вины.

Из всех ситуаций правомерного причинения вреда в УК 1922 г. наиболее полно отражена необходимая оборона, которая сформулирована более корректно по сравнению с нормой о необходимой обороне в Руководящих началах.

Причина этого кроется в сложившейся в начале 1920-х гг. социальной обстановке в стране. С одной стороны, у населения имелось большое количество оружия, с другой — «население на почве голода озверело и с ворами расправлялось самосудом, у населения сложилось убеждение, что убить вора — не преступление»²⁷. В связи с этим назрела необходимость в поддержании общественного порядка, определении пределов причинения вреда при защите различных интересов обороняющегося.

В УК 1922 г. по сравнению с Руководящими началами более широко трактовались и оборонительные действия. К ним относилось не только насилие над личностью нападающего, но и совершение любого

²⁶ См.: Пионтковский А. А. Советское уголовное право. Общая часть. М.; Л., 1929. С. 26.

²⁷ Ерыталов П. Волна самосудов // Еженедельник Советской юстиции. 1922. № 24—25. С. 18—19.

уголовно наказуемого деяния (например, причинение имущественного ущерба нападающему). Значительно изменилось законодательное представление об источнике опасности при необходимой обороне. Если ранее таковым считались нападение и насилие, то в ст. 19 Кодекса указывалось незаконное посягательство. Также было исключено указание на то, что применение обороняющимся лицом насилия является правомерным при условии, если это насилие в данных условиях являлось необходимым средством отражения нападения или средством защиты от насилия над его или других личностью.

Отметим, что УК 1922 г. не давал определения превышения мер необходимой обороны. В то же время в соответствии со ст. 145 Кодекса превышение пределов необходимой обороны, повлекшее смерть нападавшего, а также убийство застигнутого на месте преступления преступника с превышением необходимых для его задержания мер карались лишением свободы на срок до одного года. Превышение пределов необходимой обороны, повлекшее тяжкое телесное повреждение нападавшего, а равно нанесение такого повреждения застигнутому на месте преступления преступнику с превышением необходимых для его задержания мер влекли на основании ст. 152 УК 1922 г. лишение свободы или принудительные работы на срок до одного года. Эта норма являлась реакцией на рост саморасправ.

По справедливому замечанию А. П. Дмитренко, такое положение дел указывало на то, что УК 1922 г., предоставляя широкие права гражданам для защиты от преступных посягательств, одновременно ограничивал их установлением уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны, так как решение вопроса о преступности или правомерности действий обороняющегося полностью предо-

ставлялось на усмотрение правоприменительных органов²⁸.

В статье 19 УК 1922 г., как и в ст. 15 Руководящих начал, в рамках необходимой обороны допускалась защита только личности или прав обороняющегося либо других лиц. Дальнейший шаг в этом направлении был сделан в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. и, как следствие, в УК РСФСР 1926 г., которые признавали допустимым причинять вред также при защите от посягательств на советскую власть и революционный порядок.

В Общей части УК 1922 г. отсутствовала регламентация причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, но, как уже отмечалось, в ст. 145 и 152 Особенной части УК 1922 г. предусматривалось снижение наказания за убийство застигнутого на месте преступления преступника с превышением необходимых для его задержания мер либо с причинением ему при тех же обстоятельствах тяжкого телесного повреждения.

Хотя в УК 1922 г. термин «крайняя необходимость» не употреблялся, но ситуация правомерного причинения вреда была отражена в ст. 20, в соответствии с которой «не подлежит наказанию уголовно наказуемое деяние, совершенное для спасения жизни, здоровья или иного личного или имущественного блага своего или другого лица от опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами, если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с охраненным благом».

В статье 25 УК 1922 г. отмечалось, что при определении наказания должны учитываться, совершено ли преступление в состоянии голода и нужды или нет, а также совершение преступления под влия-

²⁸ См.: Дмитренко А. П. Пределы правомерности права на необходимую оборону. Ставрополь, 2000. С. 33.

нием угроз и принуждения другого лица. Этим косвенно указывалось на такие частные проявления ситуации крайней необходимости, как состояние нужды и принуждение.

В УК 1922 г. была закреплена такая ситуация правомерного причинения вреда, как «согласие лица». В примечании к ст. 143 УК 1922 г. об ответственности за умышленное убийство без отягчающих обстоятельств указывалось, что убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания к нему, не карается. В теории уголовного права единства мнений в отношении этой нормы не было.

Так, Г. В. Швеков считал, что в этой норме нашли свое место ложно понимаемые, а не действительные принципы социалистического гуманизма, так как подлинное человеколюбие, последовательное выполнение заложенного в законе принципа неприкосновенности личности безоговорочно требуют объявления недопустимым, преступным любого случая противоправного лишения жизни другого лица, независимо от того, какими мотивами при этом руководствовался виновный²⁹.

В то же время, по мнению А. А. Пионтковского, практика применения этой нормы показала ее вредность, и в связи с этим в ноябре 1922 г. она была отменена³⁰. Однако, с точки зрения И. И. Карпеца, в законодательстве таким образом была допущена другая крайность — такое действие считалось убийством, хотя в случае дачи яда врачом из сострадания безнадежному больному по просьбе последнего должна идти речь о смягчающих обстоятельствах³¹.

История принятия нормы «о согласии лица на лишение его жизни»

²⁹ См.: *Швеков Г. В.* Первый советский уголовный кодекс. С. 200.

³⁰ См.: *Курс советского уголовного права*: в 6 т. М., 1970. Т. 2. С. 394.

³¹ См.: *Карпец И. И.* Уголовное право и этика. М., 1985. С. 130, 132.

и ее исключения из УК 1922 г. показывает, насколько обоснованно в теории права очень осторожно относятся ко всякого рода предложениям об исключении уголовной ответственности за умышленное лишение жизни независимо от причин этого.

Примечание к ст. 143 УК 1922 г. появилось по предложению члена ВЦИК Ю. Ларина, который при обсуждении ст. 136 проекта УК 1922 г., предусматривающей более мягкое наказание за убийство из сострадания, предложил «не карать за убийство из сострадания». Свое предложение он аргументировал следующим образом: «Я болен высыханием мускулов и мне предсказано, что через несколько лет я должен умереть. И вот, если я прошу тов. Семашко достать мне яду, то выйдет так, что вы будете его судить за то, что он избавил меня от страданий по собственной моей просьбе. Если кто-нибудь сидит в белогвардейской тюрьме и мучается, попросит у кого-нибудь из своих товарищей коммунистов достать ему яду, то неужели вы потом, когда мы город освободим, будете карать этого коммуниста?»³².

При заключительном обсуждении проекта УК 1922 г. Ю. Ларин предложил дополнить ст. 143 проекта УК 1922 г., предусматривающую уголовное наказания за умышленное убийство, совершенное без отягчающих обстоятельств, примечанием, согласно которому «убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, не карается». Предложение было принято³³.

Вместе с тем практика применения этой нормы пошла по такому пути, на который законодатели не рассчитывали. В юридической литературе приводились случаи, когда на основе этой нормы в присутствии

³² III сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва (12—17 мая 1922 г.) (стенографический отчет). Бюллетень № 10. М., 1922. С. 7.

³³ Там же. С. 17.

свидетелей лишали жизни людей, заявлявших о нежелании дальше жить, по их просьбе³⁴.

В ходе работы IV сессии ВЦИК IX созыва в октябре 1922 г. при рассмотрении поправок в УК 1922 г. председательствующий Н. В. Крыленко предложил «из ст. 143 примечание выкинуть» в связи с тем, что имеются случаи злоупотреблений в отношении граждан, «попросивших» о лишении их жизни³⁵. В результате примечание к ст. 143 УК 1922 г. было исключено³⁶.

Юридическая природа ситуаций правомерного причинения вреда в УК 1922 г. терминологически определялась по-разному. Причинение вреда в «состоянии душевной болезни» (ст. 17), «необходимой обороны» (ст. 19) и «крайней необходимости» (ст. 20) не подлежало наказанию. «Малолетство» (ст. 18) и «давность» (ст. 21) влекли неприменение наказания. Тем не менее каждая из этих ситуаций, во-первых, охватывала случаи причинения вреда правоохраняемым интересам, во-вторых, обладала соответствующими типичными признаками, в-третьих, причинение вреда, совершенное в таких ситуациях, имело внешнее сходство с преступлением. В силу особенностей ситуации (как совокупности внешних факторов и свойств лица), в которых причинялся вред, законодатель признал такие случаи причинения вреда ненаказуемыми.

Законодательство анализируемого периода, по нашему мнению, также знало такую ситуацию правомерного причинения вреда, как «выполнение профессиональных

(должностных) функций». Подтверждением этому тезису может быть ст. 215 ИТК РСФСР 1924 г., в соответствии с которой «лица, принадлежащие к составу администрации, надзора и стражи мест заключения, имеют право применять оружие в случаях, когда это представляется, безусловно, необходимым за исчерпанием всех других способов: а) в целях обороны от нападения как на них самих, так и на заключенных; б) для прекращения насильственных действий со стороны заключенных; в) при побеге заключенного»³⁷. Хотя С. Ф. Милюков и А. В. Никуленко считают, что применение лицами, указанными в ст. 215 ИТК РСФСР 1924 г., насилия к лицу, совершающему побег, является всего лишь разновидностью необходимой обороны³⁸.

Анализ структуры рассматриваемого блока норм показывает ее схожесть с соответствующими положениями Уложения 1903 г. Так, отделение четвертое «Об условиях вменения и преступности деяния» Уложения 1903 г. открывалось ст. 39, в соответствии с которой не вменялось в вину причинение вреда лицом, которое вследствие болезненного расстройства душевной деятельности, или бессознательного состояния, или же умственного неразвития не могло понимать свойства и значение совершаемого им. Статья 17 УК 1922 г., открывающая раздел, описывающий ситуации, при которых нанесение ущерба не влечет применение наказания, содержит норму, аналогичную той, которая отражена в ст. 39 Уложения 1903 г. На втором месте и в Уложении 1903 г., и в УК 1922 г. расположены нормы, устанавливающие правило, в соответствии с кото-

³⁴ См.: Суд и жизнь (убийство из сострадания) // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 39—40. С. 19—20.

³⁵ IV сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва (1 ноября 1922 г.) (стенографический отчет). Бюллетень № 8. М., 1922. С. 11.

³⁶ См. постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса РСФСР».

³⁷ Постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. «Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР».

³⁸ См.: Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. СПб., 2015. С. 37.

рым малолетство является обстоятельством, устраняющим вменение в вину или наказание. Нормы о необходимой обороне и крайней необходимости УК 1922 г. имеют фрагменты, которые текстуально схожи с соответствующими положениями Уложения 1903 г.

В связи с этим нельзя согласиться с Г. В. Швековым, который утверждал, что УК 1922 г. впервые сформулировал понятие крайней необходимости³⁹. Статья 19 УК 1922 г. о крайней необходимости во многом текстуально перекликалась со ст. 46 Уложения 1903 г., закрепляющей аналогичную ситуацию.

Хотя влияние Уложения 1903 г. на УК 1922 г. в части ситуаций правомерного причинения вреда сказывалось довольно сильно, следует заметить, что по содержанию юридико-технически институт ситуаций правомерного причинения вреда в УК 1922 г. отражен слабее. Это прослеживается, в частности, в уменьшении этих ситуаций, в сужении перечня благ, защита которых допускалась путем причинения другим интересам.

Вместе с тем УК 1922 г. по сравнению с Руководящими началами был серьезным шагом вперед в развитии советского уголовного законодательства вообще и института правомерного причинения вреда в частности. В связи с этим следует согласиться с И. М. Тяжковой в том, что последовавший после событий Октября 1917 г. разрыв легитимности преемственности нового и старого уголовного законодательства вовсе не означал устранение их фактической преемственности⁴⁰. Разработка положений о необходимой обороне и других ситуациях в Руководящих началах и особенно в УК 1922 г. осуществлялась под сильным влиянием Уголовного уложения 1903 г. и других законов Российской империи, в которых содержались нормы уголовного права. Последовавший после событий Октября 1917 г. разрыв легитимности преемственности нового и старого уголовного законодательства вовсе не означал устранение их фактической преемственности.

³⁹ См.: *Швеков Г. В.* Первый советский уголовный кодекс. С. 169—170.

⁴⁰ См.: *Тяжкова И. М.* Вопросы развития системы Общей части уголовного закона // Вестник МГУ. Серия 11 «Право». 1988. № 2. С. 10—16.

Библиографический список

- Владимиров Л. Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. Харьков, 1889.
- Дмитренко А. П. Пределы правомерности права на необходимую оборону. Ставрополь, 2000.
- Ерыпалов П. Волна самосудов // Еженедельник Советской юстиции. 1922. № 24—25.
- История советского уголовного права. М., 1948.
- Карпец И. И. Уголовное право и этика. М., 1985.
- Козак В. Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости. Саратов, 1981.
- Кони А. Ф. О праве необходимой обороны. М., 1866.
- Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002.
- Крыленко Н. В. Суд и право в СССР. М.; Л., 1930.
- Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. СПб., 2000.
- Кузьмин-Караваев В. Д. Военно-уголовное право. Часть Общая. СПб., 1895.
- Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. 2. М., 1970.
- Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1. М., 2002.
- Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб., 1867.
- Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. СПб., 2015.
- Михайлов В. И. Институт правомерного вреда (обстоятельств, исключающих преступность деяния) в Уголовном уложении 1903 г. // Журнал российского права. 2016. № 5.

Михайлов В. И. Свод законов 1832 г. и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: общая характеристика и ситуации правомерного вреда (обстоятельства, исключаящие преступность деяния) // История государства и права. 2010. № 24.

Неклюдов Н. А. Общая часть уголовного права (конспект). СПб., 1875.

Пионтковский А. А. Советское уголовное право. Общая часть. М.; Л., 1929.

Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. М., 1912.

Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Юрьев, 1912.

Розин Н. Н. О крайней необходимости. СПб., 1899.

Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Ч. 2. СПб., 1883/1884.

Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая. СПб., 1904.

Слуцкий И. И. Необходимая оборона в советском уголовном праве. Ученые записки ЛГУ. № 129. Л., 1951.

Суд и жизнь (убийство из сострадания) // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 39—40.

Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлечениями из объяснительной записки редакционной комиссии, представлениями Министерства юстиции в Государственный Совет и журналов особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. СПб., 1904.

Тяжкова И. М. Вопросы развития системы Общей части уголовного закона // Вестник МГУ. Серия 11 «Право». 1988. № 2.

Чельцов-Бебутов М. А. Преступность и наказание в истории и советском праве. Харьков, 1925.

Швеков Г. В. Первый советский уголовный кодекс. М., 1970.

Швеков Г. В. Преемственность в праве. М., 1983.

Эстрин А. Аналогия // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 28.

Эстрин А. Уголовный кодекс и «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 23.

Эстрин А. Я. Советское уголовное право. Общая часть. Вып. 1. М., 1935.

References

Cheltsov-Bebutov M. A. Prestupnost i nakazanie v istorii i sovetskom prave. Kharkov, 1925.

Dmitrenko A. P. Predely pravomernosti prava na neobkhodimuyu oboronu. Stavropol, 2000.

Estrin A. Analogiya. *Yezhenedelnik sovetskoj yustitsii*, 1922, no. 28.

Estrin A. Ugolovnyy kodeks i "Rukovodyashchie nachala po ugolovnomu pravu RSFSR". *Yezhenedelnik sovetskoj yustitsii*, 1922, no. 23.

Estrin A. Ya. Sovetskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast. Iss. 1. Moscow, 1935.

Istoriya sovetskogo ugolovnogogo prava. Moscow, 1948.

Karpets I. I. Ugolovnoe pravo i etika. Moscow, 1985.

Koni A. F. O prave neobkhodimoy oborony. Moscow, 1866.

Konyakhin V. P. Teoreticheskie osnovy postroeniya Obshchey chasti rossiyskogo ugolovnogogo prava. St. Petersburg, 2002.

Kozak V. N. Voprosy teorii i praktiki krayney neobkhodimosti. Saratov, 1981.

Krylenko N. V. Sud i pravo v SSSR. Moscow; Leningrad, 1930.

Kudryavtsev V. N., Trusov A. I. Politicheskaya yustitsiya v SSSR. St. Petersburg, 2000.

Kurs sovetskogo ugolovnogogo prava. Vol. 2. Moscow, 1970.

Kurs ugolovnogogo prava. Vol. 1. Moscow, 2002.

Kuzmin-Karavaev V. D. Voenno-ugolovnoe pravo. Chast Obshchaya. St. Petersburg, 1895.

Lokhvitskiy A. V. Kurs russkogo ugolovnogogo prava. St. Petersburg, 1867.

Mikhaylov V. I. Institut pravomernogo vreda (obstoyatelstv, iskluychayushchikh prestupnost deyaniya) v Ugolovnom ulozhenii 1903 goda. [Institute of Legitimate Harm (Criminal Defenses) in the Criminal Code of 1903]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2016, no. 5, pp. 65—72.

Mikhaylov V. I. Svod zakonov 1832 goda. i Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitelnykh 1845 g.: obshchaya kharakteristika i situatsii pravomernogo vreda (obstoyatelstva, iskluychayushchie prestupnost deyaniya). *Istoriya gosudarstva i prava*, 2010, no. 24.

- Milyukov S. F., Nikulenko A. V. Prichinenie vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshogo obshchestvenno opasnoe deyanie. St. Petersburg, 2015.
- Neklyudov N. A. Obshchaya chast ugolovnogo prava (konspekt). St. Petersburg, 1875.
- Piontkovskiy A. A. Sovetskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast. Moscow; Leningrad, 1929.
- Poznyshev S. V. Osnovnye nachala nauki ugolovnogo prava. Moscow, 1912.
- Pustoroslev P. P. Russkoe ugolovnoe pravo. Yurev, 1912.
- Rozin N. N. O krayney neobkhodimosti. St. Petersburg, 1899.
- Sergeevskiy N. D. Russkoe ugolovnoe pravo. Iss. 2. St. Petersburg, 1883/1884.
- Sergeevskiy N. D. Russkoe ugolovnoe pravo. Chast Obshchaya. St. Petersburg, 1904.
- Shvekov G. V. Pervyy sovetskiy ugolovnyy kodeks. Moscow, 1970.
- Shvekov G. V. Preemstvennost v prave. Moscow, 1983.
- Slutskiy I. I. Neobkhodimaya oborona v sovetskom ugolovnom prave. Uchenye zapiski LGU, no. 129. Leningrad, 1951.
- Sud i zhizn (ubiystvo iz sostradaniya). *Yezhenedelnik sovetskoy yustitsii*, 1922, no. 39—40.
- Tagantsev N. S. Ugolovnoe ulozhenie 22 marta 1903 goda. S motivami, izvlecheniyami iz obyasnitelnoy zapiski redaktsionnoy komissii, predstavleniyami Ministerstva yustitsii v Gosudarstvennyy sovet i zhurnalov osobogo soveshchaniya, osobogo prisutstviya departamentov i obshchego sobraniya Gosudarstvennogo soveta. St. Petersburg, 1904.
- Tyazhkova I. M. Voprosy razvitiya sistemy Obshchey chasti ugolovnogo zakona. *Vestnik MGU. Seriya 11 "Pravo"*, 1988, no. 2.
- Vladimirov L. Ye. Uchebnik russkogo ugolovnogo prava. Obshchaya chast. Kharkov, 1889.
- Yerypalov P. Volna samosudov. *Yezhenedelnik Sovetskoy yustitsii*, 1922, no. 24—25.
-
-